

Всё, что может трогать сердце, наполнять и возвышать душу, есть поэзия.

Н. А. Бестужев

Встреча с творчеством Татьяны Грибановой – особая встреча. Мир её поэзии завораживает с первых строчек, потому что дышит исконно русским, простым и таинственным одновременно, ласковым, как руки матери, и печальным, как её глаза в миг расставания, суровым, строгим и в то же время сострадательным, милосердным духом – духом Родины, России. О чём бы ни писала Татьяна Ивановна, родная сторонка проглядывает из каждого стиха, каждой поэтической или прозаической строчки. Поэтесса признаётся: «Сколько буду жить на белом свете, / Буду плыть к родимым берегам» (*«Грибной дождь»*).

И это не высокопарные слова, лишённые искренности, это сердечная любовь, которая сочится из каждого нерва. Способ её выражения Татьяна Грибанова находит в поэтическом слове. Не в рафинированном, не в модернистски-западном языке, а в том глубинном русском, который ещё сохранился в народе деревенском на необъятных российских просторах. Прочтёшь: «звень жаворонья», «по земли кипрей», «худая ряднина», «остожья», «всклень», «волчья сыть»... – кажется, просто, а душа-то замрёт, «захолонет», потому что «Есть обаянье в древней речи. Она бывает наших слов И современнее, и резче» (Белла Ахмадулина. Влечёт меня старинный слог...). Именно такой народный язык органично вошёл в поэзию русского поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996), которого взрастила Псковщина; таким языком увлечена и уже несколько десятилетий собирает в уникальные книги, путешествуя по Сибири, учёный, филолог Галина Медведева-Афанасьева; такой язык впитала в себя и Татьяна Грибанова, родившаяся на Орловщине, в деревне Игино Сосковского района, и выросшая на сказках, былинах, песнях, поведенных бабушкой и дедом, отцом и матерью.

...О, сколько песен не было б на свете,
Не сможешь лучше русской повстречать!
Заслышишь – солнце в небе ярче светит,
И запоёт душа – нет сил молчать.

(«Душа моя, сливаясь с песней русской»)

О народном слове с восторгом отзывался Н. В. Гоголь в «Мёртвых душах»: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово... А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой и бойкой русской ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы – одной чертой обрисован ты с ног до головы!» Симбиоз русского исконного, глубинного слова с искренностью и любовью рождает у поэта прекрасные строки, они мгновенно ложатся на душу и согревают её благодатным теплом:

...Захочет душа распрямиться
во весь предначертанный рост.
Вглядишься в себя,
словно в зеркало,
пристально-пристально.
И станешь налаживать с Господом
рухнувший в паводок мост.

(«На Страстной»)

Одна из любимых тем поэтессы – деревня, та, что прячется далеко в глубинке России: («Глубинка русская! Горюнь-юдолью / в веках твой крестный проторялся путь» («Сули хоть рай...»), меж дубрав и берёзовых рощ, за полями, за долами, там, где чудесным образом одушевляется ветер, который «На грудь кидается, скулит сентябрьский ветер собачонкой»;

Чтоб солнце, взобравшись на крышу сеного сарая,
На зорьке будило меня, прокричав петухом.

(«Ручей под горою водой бирюзовой струится...»);

Как заблудшая в лугах корова,
Выплыла огромная луна.

(«Луг отсырел, и притомилась малость...»)

Или:

Вечер сонное солнце спать ведёт за ошейник,
И щенком вислоухим в кронах месяц бежит.

(«Не сдаётся кукушка, громко спорит с подпаском...»)

И хотя нестерпимо щемит в ранимом сердце Татьяны Грибановой боль за деревню уходящую, где «вяжут плети (а слышится: петли или сети) повилик» (образ, часто встречающийся в стихах поэтессы), которые словно бы норвят задавить то, что ещё живо, всё же гораздо чаще звучат торжествующие слова: зреть, созревший, спелый: «Спелым гарбузом на небе солнышко» («Сыну»); «Но зреет день, и жить безумно хочется» («Земля, как бабушкина горница...»); «Время вызреет – хлеб новины преломлю на Успенье» («Вдоль сомлевающей дороги снопы переспелого света...»); «Брезжит июльский рассвет скороспелый» («В страду»); «Зёрнышком спелого хлеба» («Мимо посадок до-рога...»).

И спелый вечер, спелая ночь, травы, листья, цветение, и созревшие вишни, и переспелые грибы, «и воздух – переспелое вино» – всё это, словно хлебный каравай на столе, создаёт ощущение спокойной радости и надежды: Русь жива! Русь будет жить! Пока она под покровом Богородицы.

Обращение в творчестве к Богу у Татьяны Грибановой естественно, как утоление жажды глотком ключевой воды. Подобно образу Руси, в поэтических строчках трёх книг («Прощённый день» (Орёл, 2008), «Сказ про то, как Марья Ивана искала» (Орёл, 2012), «Осеннее причастие» (Орёл, 2020)) незримо парят Ангелы: «Вышивают ангелы шёлком поднебесье» («Апрель моего детства»); «Ангелы Господни медуницей спозаранку причащают лес» («Накануне»); «Как в купелях ангелы в калужницах плещутся сусалью золотой» («Сотня солнц! Во всех ручьях и лужицах!...»). И ежечасно присутствует Творец:

...Ясно так, будто вживую привиделось:
бабушку клонит за прялкой ко сну,
вместе со мною былинку о Китеже
слушает боженька в Красном углу...

(«Ночью причудилось: пожня пшеничная...»)

По определению В. А. Жуковского, поэт – посланник Божий. Он «ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия. Таков истинный смысл его призвания, его великого дара...» (В. А. Жуковский. О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю (М.: Сов. Россия, 1985). Но это присутствие, в свою очередь, возносит поэтическое слово до небесных вершин, одаряет его животворящей силой и красотой:

...У стариков и у старух
Алтарные святые лики,
И жив ещё бессмертный дух
Руси могучей и великой.
(«На родине»)

Многие стихи Т. Грибановой, будь они о родине, о деревне, о русском мужике, природе, православных праздниках или даже войне (цикл «*Письма с фронта*») звучат, как молитва, но лишь изредка, в последних строчках, лирическая героиня обращается непосредственно к Богу:

Только б душе отогреться
и окрылиться б ей вновь.
Отче! Управь моё сердце
волей своею в любовь.
(«*Вот и апрель. В палисаде...*»)

Хотя каждая строчка произведений Татьяны Ивановны дышит любовью и чистотой сердца, она просит ещё любви, словно боится, что та может иссякнуть или её не хватит в нашем бушующем мире, насыщенном не только радостями, но и конфликтами, трагическими событиями, пандемией, безверием, безнравственностью и даже угрозой войны.

Может быть, именно потому, что Запад и США уже в открытую говорят о войне, Татьяна Грибанова по нити клубка истории от дня сегодняшнего возвращается в стародавнее время и создаёт сказание о Судбищенской битве («*Сказ про то, как Марья Ивана искала*»). Историк и писатель Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» так повествует об одном из семи чудес (победе над превосходящим по силе войском врага) нынешнего Орловского края: «...Видя ложь, обманы Девлет-Гирея и сведав, что он идёт воевать землю пятигорских черкесов, наших друзей, государь Иван IV в июне 1555 года послал воеводу Ивана Шереметева из Белёва Муравскою дорогою с тринадцатью тысячами детей боярских, стрельцов и козаков в Мамаевы луга... Девлет-Гирей от Изюмского кургана своротил влево и вдруг устремился к пределам России, имея тысяч шестьдесят войска...»

Но с почти десятикратным перевесом татары всё же вынужденно отступили. Много полегло в тех боях с одной и другой стороны: примерно пять тысяч русских и втрое больше татар. В 1995 году в память о битве создан мемориальный комплекс «Судбищенская битва 1555 г.». В настоящее время на месте сражения учёными ведутся активные археологические раскопки.

Казалось бы, не женское это дело – стихи о битвах писать. Для развития творческого замысла нужны корневые знания истории, военной науки и терминологии того времени, человеческого характера и, конечно, языка. Но Т. Грибанова отлично справляется с поставленной задачей. Несомненно, её поэтический талант счастливо «сочетается с хорошим вкусом и направляет сильной мыслью» (Брюсов В. Я. Игорь Северянин), поэтому и не обречена она «на скудость и однообразие тем, вместо бесконечности мировых путей» (Брюсов В. Я. Там же).

Поэтесса, обращаясь к старине, выбирает путь былинный, полусказочный, её героиня – женщина, обратившаяся в птицу, летящую на поиски своего воина-голубка:

Стёжкой, глинистым уступком
На крут-берег поднялась,
Птицей, сизою голубкой,
Обернулась и взвилась.

Марья не просто любящая жена, стосковавшаяся по мужу, это русская женщина, бесстрашная, сильная верой, готовая и сама встать на защиту родной земли и веры православной:

Хоть свинцом залей нам горло,
Хоть изрежь нас на ремни,
С православной стёжки торной
Не свернём! Христос храни!

Она – женщина, хранительница, утешительница, смело бросается на помощь раненым воинам:

Дева-птица причитала,
Облетая русский стан.
Всё шептала в красноталах
Заговор на тыщи ран:
«Как дождями не пробило
Глади вод у синих рек,
Так бы прочным камнем было
Тело русича вовек!»
Зарастали тут же раны,
Видно, крепок был завет...

Чем ещё могла помочь Марья, взирая с небес на страшный бой? Молитвой. С крепкой, нерушимой верой обращалась к Господу:

Марья же просила Бога:
«Господи! Врагов сердца
Обрати к Твоему порогу!
Коль невозможно до конца
Им, коварным, обратиться,
То порушь ты их дела.
Защити своей десницей
Избранных Твоих от зла!»

Невольно приходит мысль, что в образе Марьи автор изображает не только любящую женщину, верную супругу, но и Родину-мать, распростирающую крылья свои над полем сражения, и Божью Матерь, оберегающую Русь Покровом и умоляющую Сына Своего, Господа Иисуса Христа, спасти русский народ.

Надо отдать должное поэтессе, которая с мужской точностью, сочно, ярко, эмоционально-дерзко и поэтично сумела описать сцены боя:

Копья бьют доспехи с лёту,
Древки, словно вертела.
Крикам, стонам нету счёту,
Под копытами тела.

И от смертной, ярой сечи
В щепья колются щиты,
В плоть вонзаясь человечью.
Земь в крови, в крови кусты.

.....
Десять выстрелов в минуту!
Нукера – за тьмою – тьма!
Дождь стальной шумит повсюду,
В пору сдвинуться с ума!

И дивится хан татарский:
«Жив! Не сдох ещё урус?!»
И гремит над свистопляской:
«Братцы! За Москву! За Русь!»

Не раз и не два звучат в поэме эти призывы, вызывая нервное напряжение и такое сопереживание, словно бой идёт сейчас, и от его исхода зависит наш сегодняшний день. И появляется в душе гордость за святое мужество и героизм наших предков, и нарастает решимость, к которой взывает автор, обращаясь в том числе к нам, своим современникам, что поднимает значение «Сказа про то, как Марья Ивана искала» на большую духовно-патриотическую высоту:

Хоть умри, но не сдавайся!
Землю ешь – не пропусти!
Разорвись хоть на три части,
Но не дай врагу пройти!

Несмотря на то что боевое сражение несёт в себе смерть, страдание, жестокость, в восприятии читателя преобладают эмоции оптимистичные, положительные. Это результат авторского мастерства: былинно-сказочные образы и интонации, красота, точность и народность языка, певучесть:

Уж вы горлинки, мои вы голубочки!
Не гуркуйте во зелёном во лесочке,
Не садитесь на ели вы, на сосенки,
Облетайте стороною вы берёзоньки.
Им и так беда-бедой, горяче-горюшко,
Хоть беги из бора во широко полюшко...

В тексте поэмы много сложных эпитетов, в частности, билексем: змея-печаль, голубь-птица, Русь-Рассеюшка, девка-птица, степь-землица и т. д., что ещё больше сближает язык поэмы с поэтическим фольклором, усиливает образность, метафоричность.

В словаре «Эпитеты из поэзии Татьяны Грибановой» (Орёл, 2021) составитель, лексикограф А. П. Бесперстых описал 750 эпитетов, выраженных прилагательными, причастиями, наречиями и существительными (приложениями). Каждый эпитет проиллюстрирован цитатами из стихотворений, чтобы читатель в полной мере мог почувствовать и насладиться красотой поэтического слова. Именно при таком близком знакомстве (работая со словарём) удаётся тщательно рассмотреть богатое многообразие, индивидуальность и новизну авторской лексики, подивиться полёту поэтического воображения: *времечко-стрепет, зорька вымястая, глазоньки-пролески, гуляка-ветрище, день-паутинка, духовитые соты, жисть-судьбинушка, зайчики-ручьи, залётки-дрог, просёлок замозолистый, заовражестый край, застиранные небеса, захолустные планеты, змейка-разлука, колдун-туман, кленовая заря...* И это только начальные страницы лексикографического труда!

Обращает на себя внимание частота использования эпитетов «родной» и «русский»: глубинка русская, дух, краса, река, путь; родная земля, поле, руки, тишина...

Родные звуки, запахи и краски!
Крик петуха, жасмина аромат.
И пруд в цветущей изумрудной ряске,
И хороводы сонных маляв у хат.
(«Моя земля»)

И это всё озарено светом: «Легко, прозрачно и светло», «Станет вдруг горячо и светло на душе моей русской / Оттого, что в бору о любви раскричались клесты», светлые души, князь, метели, сны, плат, рань, светлым-светло в березняке, светозарно-лучистый дождик...

И светлой же болью, печалью и грустью пронизаны стихи и думы Татьяны Грибановой о родной сторонюшке, где «каждый камень – память», «где слышны по ночам моих пращуров речи» и где даже дышится по-иному:

О, как же легко и привольно
Бродить, синевою дыша,
Где соком берёз белоствольных
Врачует потери душа.
(«Апрель. За воротами сухо...»)

Автора тревожит забота, кому же можно передать бесценное это сокровище? Смогут ли сберечь его наши потомки?

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!

(«Я не скопила в сундуках богатства...»)

Стихи Татьяны Грибановой искренни и чисты, правдивы и убедительны, за ними чувствуется личность автора, а это, как утверждал В. А. Брюсов, является важной чертой настоящей поэзии. И соглашаешься, веришь поэту, что Родина для неё: «Моя тихая, славная, нежная, / Лучик солнышка в сумраке дня» (*«Мне б вернуться обратно на родину...»*), – и что «предать память сердца – засыпать землёю родник».

Так что же делать? Татьяна Грибанова находит верный ответ:

Я крестом перечеркну плохое,
Вышью гладью, шёлком всё кругом.
Хочется, чтоб русское, родное
Сохранили дети на потом!
Связываю ниткой поколенья,
Чтоб своих родных не забывать.

(«Наследство»)

Нить, которой вышивает и связывает поэтесса поколения, призывая «прислушаться к сакральному безмолвью», чтобы не осмелилось сердце «себе самому изменить», – это её ежечасная, сердечная молитва о мире: «Я прошу тебя, праведный Боже, / Не оставь его, благослови! / Мир, ещё с твоим ангелом схожий, / Тот же свет, окрыление то же, / Ожидание чуда любви (*«Весна»*), – и её прекрасная поэзия, напитанная глубокой верой:

Но верую о, Русь,
ты выступишь! Ты есть!
Века веков тебе,
Великая, стоять!

Не погасить твой лик,
не смять твоей красоты.
Как и креста – посмей! –
с груди твоей не снять.

Судьбинушка – молись! –
надломаются весы.
Тебе ль о том, родимая,
не ведать и не знать?

(«Здесь испокон веков...»)